

— Вчера после полудня у Лэ-гэра было замочено два ведра риса, но опрокинули только одно. Лэ-гэр тогда предположил: когда тот человек толкал ведро, его, должно быть, кто-то заметил.

Ди Лэ сказал:

— И всё? При чём здесь управляющий Цай?

— Хм... — Цао-лаобань протянула чуть лениво: — Поначалу связь и правда была невелика. Просто от пропавшей деревянной рукоятки каменной мельницы до опрокинутого ведра с рисом - оба раза управляющий Цай появлялся слишком вовремя. С нами у него никакой дружбы, а задними кухнями и вовсе заведовал главный повар, но он каждый раз приходил так удачно, словно стоило чему-то случиться, и он тут же появлялся.

Чжоу Сяолэ сказал:

— Это значит, что он всё время пристально следил за тем, не случится ли что-нибудь на задней кухне. Поэтому я и предположил: он видел того, кто опрокинул ведро с рисом, но ради того, чтобы чанфэнь спокойно попал на стол, не хотел, чтобы мы узнали, кто это.

Ди Лэ сказал:

— То есть, узнай вы это, сначала пошли бы выяснять отношения, а из-за этого задержали бы подачу чанфэня?

— Верно, — Чжоу Сяолэ улыбнулся. — Рис-то уже пропал, какой ещё чанфэнь готовить? Конечно, сначала надо найти вора и хорошенько его отлупить.

Чжоу Сяолэ продолжил:

— А чанфэнь для отравления он выбрал, вероятно, потому, что каждая порция была единственной в своём роде. Один человек - одна порция, яд не попадёт не тому. Впрочем, если бы сегодня не было чанфэня, он выбрал бы что-нибудь другое.

Цао-лаобань добавила:

— К тому же о плане правителя префектуры я тоже знала кое-что. Управляющий Цай был самым важным звеном этого плана, и при этом он так пристально следил за чанфэнем - это уже выглядело слишком странно.

Яд для правителя префектуры Ди Лэ брал у Цао Тяньцай. Даже сам правитель не знал о таком человеке, как Цао Тяньцай, а уж управляющий Цай тем более не мог знать. После того как Цао Тяньцай передала яд, это дело изначально больше не имело к ней отношения. Но кто бы мог

подумать, что Шэнь Юй снова придёт к ней и попросит всё время защищать Чжоу Сяолэ и Сюй Гуаня.

А раз на ней лежала такая обязанность, она непременно должна была устранить всё, что могло угрожать безопасности Чжоу Сяолэ и Сюй Гуаня. Именно поэтому поведение управляющего Цая, когда его мысли явно были не на «Чжэньпиньгэ», а взгляд прикован к чанфэню, показалось ей слишком подозрительным.

И в итоге, стоило ей присмотреться, как она как раз увидела, что управляющий Цай что-то делает с чанфэнем.

По плану яд должен был оказаться в блюде «Чжэньпиньгэ» - «Нежной свинине Линлун», но никто не ожидал, что управляющий Цай подсыплет его в чанфэнь, а затем ещё и передаст яд помощникам повара из «Чжэньпиньгэ», чтобы те нашли возможность подбросить его на кухню Чжоу Сяолэ.

Поэтому Цао Тяньцай, воспользовавшись моментом, когда служанка несла блюдо, сняла этот яд, а в следующее блюдо «Чжэньпиньгэ» подсыпала уже другой яд. Только после этого и случилось всё последующее.

— По их плану, думаю, ту склянку с ядом помощники повара должны были подкинуть на нашу кухню, пока приходили к нам поговорить. Просто помощник повара оставил себе лазейку: подкинул лишь малую часть, а остальное унёс с собой. Если бы дело обернулось иначе, он ещё мог бы укусить их в ответ, и этот яд стал бы доказательством.

Шэнь Юй спросил:

— Несколько дней назад ты заранее приезжала в префектурный город как раз затем, чтобы передать генералу Ди яд?

— Ди Лили сказал, что есть большой заказ. А у моего бедного игорного дома доходы не покрывают расходов. Как я могла упустить такую хорошую возможность? — Цао-лаобань громко рассмеялась.

Игорный дом «Тяньцай» не сводит концы с концами? Да хоть убей всех присутствующих, никто бы в это не поверил.

Ди Лэ задал последний вопрос:

— Тогда человека, который опрокинул ведро с рисом, вы нашли?

Чжоу Сяолэ покачал головой. Этот человек едва не сорвал план управляющего Цая, значит, точно не был ни человеком Цая, ни человеком «Чжэньпиньгэ». Оставались лишь несколько

других ресторанов. Но с остальными ресторанами у них прежде тоже не было никаких связей. Чжоу Сяолэ не мог понять, по какой причине эти люди стали бы устраивать им пакости.

Цао-лаобань сказала:

— Лэ-гэр, ты знаешь, что в «Жуисюане» есть один человек по имени Чжоу Линь?

Чжоу Линь? Разве это не его бывший двоюродный брат по старшей линии?

Чжоу Сяолэ спросил:

— А что с Чжоу Линем

— Вчера управляющий Цай специально нашёл Чжоу Линя и сказал ему одну фразу: «Спокойно занимайся своими сладостями». Думаю, возможно, именно он и опрокинул ведро с рисом.

— Зачем ему это делать? Какая ему от этого выгода?

— Возможно, я знаю причину... — Шэнь Юй виновато улыбнулся и сказал: — Мой родственничек перед уходом этим утром сказал мне одну вещь: «Если бы не моя настоящая рекомендация, ваш чанфэнь уже вытеснили бы основные блюда «Жуисюаня». Не пора ли вам пасть на колени и как следует меня поблагодарить?»

Чжоу Сяолэ лишился слов. Он и не думал, что за этим скрывался ещё и такой слой причин. В душе он подумал: лучше бы их тогда и правда вытеснили. Из-за одного такого стечения обстоятельств их едва не прикончили прямо здесь.

Едва они договорили, как увидели у входа в «Чжэньпиньгэ» группу людей. Среди них был и Ван-лаобань из «Жуисюаня», и Чжоу Линь тоже стоял там. Только он согнулся в пояснице и, похоже, признавал перед Ван-лаобанем свою ошибку. Не успели они перекинуться и несколькими словами, как Ван-лаобань поднял ногу и пнул Чжоу Линя в зад.

Чжоу Линь не ожидал удара; колени у него подогнулись, и он рухнул на землю, припав на колени и руки. А направление, вот уж какое совпадение, оказалось прямо к только что подошедшим Чжоу Сяолэ и остальным.

— ...

— ...

Чжоу Сяолэ отступил в сторону, уклоняясь, и сказал:

— Даже если ты извиняешься за то, что вчера зря перевёл рис, незачем совершать такой великий поклон.

Чжоу Линь: «...»

Увидев Чжоу Сяолэ, Ван-лаобань по привычке сразу расплылся в улыбке, изобразил радостное удивление, сложил руки и сказал:

— Этот господин, должно быть, и есть Чжоу-лаобань, который готовит чанфэнь? Моё почтение, моё почтение!

Чжоу Сяолэ тоже сложил руки в ответ:

— Ван-лаобань слишком вежлив.

— Вы уже собираетесь возвращаться в город Юннань? Почему бы не задержаться в Циннани ещё на несколько дней? Впрочем, не знаю, что случилось с «Чжэньпиньгэ»: его вдруг опечатали. Я ведь ел блюда «Чжэньпиньгэ», неужели кто-то отравился?

Такая очевидная попытка выудить сведения не могла зацепить Чжоу Сяолэ. О том, что произошло прошлой ночью, знали только люди, находившиеся в переднем дворе. Те, кому нельзя было туда попасть, естественно, не знали, что именно случилось. Впрочем, их любопытство было понятно: ведь «Чжэньпиньгэ» ещё вчера считался первым рестораном Циннани, а спустя одну ночь оказался опечатан.

Да не только им было любопытно, кто в округе не хотел бы узнать? Однако правитель префектуры запретил разглашать это дело, и Чжоу Сяолэ, разумеется, не стал бы сам рассказывать.

Он сказал:

— Да, сегодня возвращаемся в город Юннань. А что до «Чжэньпиньгэ», мы и сами мало что знаем. Вчера нас отвели в передний двор, но мы лишь стояли вместе со всеми во дворе, вот и всё. Разве дела тех господ-чиновников доступны таким маленьким людям, как мы? Верно ведь, Ван-лаобань?

Ван-лаобань снова и снова улыбался:

— Верно, верно, Чжоу-лаобань говорит совершенно верно. Я ведь тоже просто из любопытства... Из любопытства, ха-ха, из любопытства...

— Впрочем, у меня и правда есть один вопрос к Ван-лаобаню.

Чжоу Сяолэ вдруг сменил тему и, глядя прямо на Чжоу Линя, спросил:

— Вчера, когда я готовил чанфэнь, произошла небольшая неприятность. Мне сказали, будто эта неприятность как-то связана с человеком под началом Ван-лаобаня. Хотя я, конечно, думаю, что тот человек просто несёт чушь и клеветает на Ван-лаобаня. Ван-лаобань ведь такой открытый и честный человек, разве мог бы он позволить своим людям творить всякую ерунду?

Ван-лаобань поспешно закивал:

— Да-да, наш «Жуисюань» никогда не занимается такими подлыми, воровскими делами! Если я узнаю, что кто-то за моей спиной совершил поступок хуже свиньи и собаки, я непременно вышвырну его из «Жуисюаня» и больше никогда не приму обратно!

Стоило Ван-лаобаню договорить, как Чжоу Линь заметно запаниковал. Ненависть, которую он не смог сдерживать, хлынула из его глаз; он сжал кулаки и уставился на Чжоу Сяолэ так, словно, не стой Ван-лаобань впереди, уже бросился бы и ударил его.

Сюй Гуань нахмурился и шагнул вперёд. В обычные дни он говорил как слабый учёный, но стоило ему с его силой сделать этот шаг и, потемнев лицом, молча остановиться перед людьми, как от него сразу повеяло немалым давлением. Взгляд его был очень спокоен, настолько спокоен, будто он смотрел не на человека, а на труп.

Чжоу Линь вдруг ощутил, как от подошв кверху пополз холод, непонятно почему вздрогнул, невольно отступил на шаг и больше не осмелился смотреть.

Чжоу Сяолэ стоял позади и не знал, что именно сделал Сюй Гуань; ему только показалось, что пота на лбу у Ван-лаобаня стало ещё больше.

Он похлопал Сюй Гуаня и спросил:

— Сюй Гуань, что такое?

Сюй Гуань в ответ взял его за руку, обернулся и улыбнулся ему:

— Ничего. Лэ-гэр, вернёмся? Если сейчас поедим, ещё успеем к сестре на ужин.

Чжоу Сяолэ сказал:

— А, верно! Ещё чуть позже, и опоздаем!

Потом он повернулся к Ван-лаобаню и с улыбкой сказал:

— Ван-лаобань, нам ещё нужно ехать, так что мы первыми откланяемся.

Ван-лаобань с улыбкой сложил руки:

— Хорошо-хорошо. Счастливого пути вам всем, доброй дороги.

Когда Чжоу Сяолэ и остальные ушли, мясистое лицо Ван-лаобаня перекосилось, натянутая улыбка сменилась гневом, и он снова пнул Чжоу Линя в зад. Пнув, он взмахнул рукавом и ушёл; остальные тоже вместе с ним последовали за Ван-лаобанем. Только Цзинь-гэр обернулся, чтобы помочь Чжоу Линю подняться. Ван-лаобань, увидев своего никчёмного гэра, так разозлился, что едва не захотел вернуться и отвесить ещё один пинок.

После пяти часов тряски они наконец добрались до городка Юннань. К этому времени солнце уже село. Чжоу Сяолэ и Сюй Гуань, распрощавшись с Шэнь Юем, отправились на север города купить жареную курицу.

За эту поездку полагалось сто лян. Шэнь Юй полностью рассчитался с ними, но на душе у него было чувство вины, и он хотел дать ещё немного сверху. Однако, подумав, решил: лучше дать что-нибудь другое. После этой поездки чанфэнь Чжоу Сяолэ рано или поздно разойдётся славой по префектурному городу, а оттуда молва доберётся до городка Юннань всего за один день. По сравнению с серебром, Чжоу Сяолэ, пожалуй, куда больше будет не хватать другой вещи.

В сердце Шэнь Юй уже принял решение, но заранее ничего не сказал. Он собирался вернуться, всё устроить как следует, а уж потом сообщить Чжоу Сяолэ; тогда у того не останется причины отказываться.

Чжоу Сяолэ, у которого за пазухой лежали пятьдесят лян, весь светился радостью: веселье проглядывало и в бровях, и в глазах, и в уголках губ. Покупая жареную курицу, он даже взял на две больше, чтобы отправить две Чжоу Чуся. Все эти несколько дней, пока Чжоу Сяолэ не было, пусть у лотка и наняли троих, чтобы разделить работу, но готовить фэнь на пару всё равно умел только Чжоу Чуся. Наверняка он выбился из сил.

Чжоу Сяолэ сидел на повозке, смотрел на отступающий назад пейзаж и прикидывал, что делать дальше.

— Если потом людей станет больше, боюсь, нам с Ся-гэром вдвоём готовить фэнь на пару будет уже не хватать сил. Нужно будет нанять ещё людей. Лучше всего таких, кому легко будет освоить приготовление фэни.

Сюй Гуань спросил:

— Лэ-гэр хочет передать искусство приготовления чанфэня другим?

Передать другим?

Чжоу Сяолэ вдруг понял и сказал:

— В самом приготовлении фэня на пару главное - лишь верно поймать время. Секрет чанфэня вовсе не в этом. Он в том, как замочить рис, как смолоть рисовую массу, и ещё... в моём особом соусе!

Он рассмеялся, чрезвычайно довольный собой.

То, как Чжоу Сяолэ покачивал головой, заставило уголки губ Сюй Гуаня невольно подняться.

— Соус Лэ-гэра и правда самый-самый лучший.

Чжоу Сяолэ наконец услышал от Сюй Гуаня желанную похвалу, и глаза его тут же засияли. Он сидел на повозке задом наперёд, чуть склонившись набок, спина к спине с Сюй Гуанем.

Небесный свет постепенно тускнел, и дорога перед ними словно всё вытягивалась и вытягивалась. Деревья, травы и цветы по обочинам проносились мимо, от близкого к далёкому, пока не исчезали в сумрачном просторе между небом и землёй. Горная дорога была неровной, кустарник густым и плотным, а птичьи крики звучали жутковато.

Вообще-то эта дорога должна была немного пугать, но спина, к которой он прислонялся, была крепкой и тёплой. И в сердце не осталось ни капли тревоги, только покой.

<http://bllate.org/book/17639/1886165>